

Глава 43. По цепочке

Первым под подозрением в «Деле о покушении на Гермиону Грейнджер», естественно, оказался прошлый Темный лорд. А, поскольку книги были под рукой, то внимание Внутреннего круга нового Темного лорда немедленно привлек преподаватель ЗоТИ, Аластор «Грозный глаз» Грюм. Вот только лезть сквозь его защиту, рискуя привлечь к себе внимание, как-то не хотелось...

— Кай, — спросил я. — А ты что-нибудь о Грюме скажешь? Грюм это, или Крауч?

— Ничего, — ответила сестренка. — В зеркалах Десяти тысяч будущих отражаются оба варианта, как будто это еще не решено...

— Как такое может быть? — заинтересовалась Миа. — Ведь Грюм же уже здесь! Или... или это — артефакт вероятного прошлого?

— Похоже... — сестренка спроецировала в наши сознания образ себя-девочки, задумчиво покачивающей головой. — Очень похоже на вмешательство варпа... Но я бы не полагалась на эти догадки, как на единственную возможную истину. Да, я вижу и как раскрывается Барти Крауч-младший... и как Мори взламывает защиту Грюма, и он оказывается настоящим. Но где и как разделяются эти варианты — я не вижу. Так что попробуйте поискать более простое объяснение. К версии «варп прорвался в реальность» — всегда успеете вернуться.

— Хаос всегда присутствует в реальности, — буркнул я, погружаясь в размышления. — Иначе мы пребывали бы под Сенью Порядка. Анна, — обратился я к Хогвартс, — а ты что скажешь?

— Их двое, — спокойно ответила бастард Гриффиндора, — один — сидит в сундуке, а другой — учит... и время от времени они меняются местами. Но кто из них главный, а кто — под империусом — мне не понять. Они молча переодеваются, один — выходит из сундука, а другой — уходит в него. Ни споров, ни приказов... И у обоих во фляге обратное...

— Использовать Обратное зелье, чтобы превращаться в самого себя? — усмехнулся я. — Любопытная идея. Очень любопытная... Скажи... никто в замке не получает посланий извне?

— Получает, — ответила Анна. — Вот только... Самая перспективная цепочка посредников — ни на ком не заканчивается. Послания так и копят в тайнике, и время от времени оттуда просто пропадают. И даже я не могу понять, кто их забирает оттуда и как он это делает.

— Вот даже как... — ухмыльнулся я. — Покажешь тайник?

— Обязательно, учитель...

По ходу общения мы с Анной выяснили, что обращения «Господин», «Повелитель» и «Мой Избранный» мне не нравятся. А поскольку вечно умирающую девочку мне пришлось обучать некоторым вещам, очевидным для обитателя варпа, а потом — и приемам из арсенала Безумных пророков, которые она, пребывая на грани жизни и смерти, вполне могла применять — решено было, что она может называть меня «учителем», если так уж хочет. Тем более, что «Учитель псайкеров» — один из моих «почти официальных» титулов, так что тут не поспершь.

Тайник оказался оплетен отслеживающими заклятиями. Личностью, которой предназначались послания, доходящие по выявленной цепочке, очень интересовались как Дамблдор, так и Дароу. Причем заклятья были составлены таким образом, чтобы не только сообщить об извлечении писем из тайника тому, кто их установил, но и помешать сделать тоже самое

заклятьям конкурента.

— То есть, Дамблдор знает, что в школе действует агент Волдеморта? — заинтересовалась Миа.

— Сложно было бы этого не знать, — хмыкнул Драко. — В лучах Рассвета сети Вальпургиевых рыцарей и Дамблдора пересекались неоднократно. Или ты думаешь, что по этой цепочке получал указания личный агент прошлого Темного лорда?

— Думаю, — кивнула Миа. — Агенты прочих заинтересованных лиц и организаций пользуются более простыми способами связи. Ну, там «звонок другу», «письмо родителям»... Непроверяемо и ненаказуемо. А тут... Такие сложности. Скоростью и надежностью связи откровенно пожертвовали в пользу скрытности. Причем, скрывают только адресата, но не факт получения письма и не его содержание. Значит — адресаты таковы, что их раскрытие нанесет больший ущерб, чем перехват содержания послания.

— Рациональное зерно в этом рассуждении есть, — Драко потер левой рукой подбородок. — Но и с «содержанием послания» я все равно был бы не против ознакомиться. Жаль, что это невозможно.

Сожаление Бриллианта колыхнуло варп, через который мы всей компанией любовались тайником.

— Невозможно было бы, — усмехнулся я, — если бы ловушку насторожил один Дамблдор. Или один Дароу. А вдвоем они тут столько друг против друга наvertели, что несколько щелочек образовалось. Ночь-другую посижу, подумаю... глядишь, что и вытащу письма, незаметно для Светлых сил.

— Зачем? — заинтересовалась леди Гриффиндор. — Такие сложности... Можно же проще!

Я усмехнулся, поняв идею хранильницы Хогвартса, и кивнул ей, показав, что одобряю такой, несколько чересчур прямой для меня подход.

И вот в коридоре возле тайника материализовалась девочка, которой не было, но которая могла бы быть. Она спокойно вскрыла тайник, демонстративно не обращая внимания на последовательно срабатывающие сигналки. Нда... Насчет «двух ночей» — это ябыл сильно оптимистичен. Под заклетьями Дамблдора и Дароу вскрылись еще три слоя сигнальных нитей. Причем по крайней мере одна сеть не посылала сигнала никому вообще. Она просто выдала вспышку Силы и распалась, отмечая несанкционированное вскрытие тайника. Можно было ставить галеон против ломаного кната, что не далее, как завтра по «исходящему каналу» уйдет сообщение: «цепочка провалена, перехожу на резервный канал связи».

Дамблдор оказался в коридоре меньше, чем через две секунды после срабатывания его заклятья. Девочка сделала изящный книксен в его сторону, позволяя себя как следует рассмотреть. И перестала делать вид, что она есть, рассыпавшись черными искрами вместе с похищенными посланиями.

— Вот, — Анна Гриффиндор выложила перед нами вновь сформированную химеру писем.

Кай сразу же подсветила одно из них, которое мы все дружно и стали читать.

«План использования Грейнджер для завлечения в Турнир Поттера Господин запрещает», — писал неведомый корреспондент. — «Категорически! Грейнджер — слишком важна как пример правильного поведения гря...» — несколько букв было зачеркнуто, — «магглорожденной. И

разменивать это стратегическое преимущество на реализацию лишь одного из возможных вариантов Возрождения Господин считает неправильным и неуместным».

— Вот так вот, Грейнджер, — улыбнулся Драко. — Оказывается ты весьма важна для Волдеморта!

— А то! — девочка гордо задрала носик, после чего мы все дружно рассмеялись.

Между тем, в коридоре, где никого из нас не было, разгорался скандал. Дароу, опоздавший к всему, чему только можно, требовал от Дамблдора «предоставить ему воспоминание, на основании которого можно было бы идентифицировать агента врага в школе». Заверения директора о том, что это была совершенно незнакомая девочка, Дароу ничуть не убедили. Он возмущался, и требовал-требовал-требовал... До «снимите щиты и раскройте перед ним, мастером Дароу, свою память» дело не дошло, хотя, судя по выражению лица Мастера Света ему этого очень хотелось.

— Эни, — отвлекся от созерцания скандала Драко, — а ты не можешь показать нам цепочку, по которой это послание дошло до тайника?

— Могу, — радостно встряхнула косичками дочь Основателя.

Мда... Записка была принесена совой с утренней почтой, так что на ее получение никто не обратил внимания, и пошла странствовать по школе. Записку даже пару раз переписали, каждый раз — тщательно уничтожая оригинал.

— Неаккуратно, — бросил Драко, наблюдая, как первокурсница в мантии со значком Рейвенкло, высунув от усердия язык, переписывает записку. — Эрика Беннет теперь знает содержание записки...

— Во-первых, — улыбнулась Луна, — наш предводитель же сказал, что содержание посланий особенно и не защищают. По крайней мере, не считают приоритетом в сравнении с сокрытием тайны получателя. А во-вторых, спорю на галеон, что она этого содержания уж не помнит!

— Спорим! — неосторожно заявил Драко.

И вот уже коварные лестницы Хогвартса завели юную рейвенкловку туда, где перед ней проявился в реальности Ксенос Морион «в силах тяжких». Считать нужное воспоминание — труда не составило, так что Дамблдор, появившийся во вспышке феникс-телепортации снова опоздал.

Девочку, напуганную не столько «коварным демоном», сколько «добрым спасателем» доставили в больничное крыло. Мадам Помфри напоила жертву слизеринского любопытства успокоительным. Да и, убедившись, что из огненной вспышки к ней действительно выскочило не ужасное чудовище, а добрый директор, девочка стала и сама быстро успокаиваться. Зря это она, на мой взгляд...

— Эрика, расскажи, что с тобой случилось? — добродушно спросил Дамблдор, дождавшись, когда девочка перестанет вздрагивать.

— Я гуляла... по замку. Но ведь отбоя еще не было?

— Не было, не было, — успокоил ее директор. — Тебя никто не ругает.

— Ну вот... я гуляла... и вдруг из стены вышел парень. Он сказал, чтобы я посмотрела ему в глаза... — Девочка запнулась, видимо — вспоминая. — У него очень красивые глаза.

— А потом что было? — заинтересовался Дамблдор.

— А потом грохнуло, вспыхнуло... Парень пропал, а я очень напугалась...

— Директор? — грозно спросила мадам Помфри.

— Боюсь, что это был я, — покаялся Дамблдор. — Эрика, запомни, и расскажи, пожалуйста, своим подругам: если вы где-то увидите этого «высокого и красивого» парня — бегите оттуда. Бегите так быстро, как только сможете. И зовите на помощь.

— Но кто это был? — спросила любопытная девочка, приподнимаясь на больничной кровати.

— Ты все узнаешь... в свое время, — Дамблдор покачал головой. — Пока что ты не готова к такому знанию. Просто запомни, что я сказал, ладно? Мадам Помфри, — повернулся директор к школьному колдомедику, — Вы позволите просмотреть память девочки? Я хочу убедиться, что ей не было причинено вреда.

— Только с ее согласия! — твердо ответила колдомедик.

Разумеется, за согласием ребенка дело не стало, и вскоре директор оказался обладателем фиала с серебристой нитью-воспоминанием.

— Ну? — требовательно спросил у меня Драко, когда директор укрылся в своем кабинете, где за ним не стоило даже пытаться подсматривать.

— Ты должен Луне галеон, — усмехнулся я, и наследник Малфой немедленно погасил долг. — Империиус в сочетании с обливиэйт — серьезная комбинация. Она помнит приказ «взять записку из папки, переписать, порвать оригинал, копию — отнести и положить за камень, а на себя — наложить обливиэйт», но ничего не помнит о том, кто его ей отдал.

— Обливиэйт? Первокурсница? — охнула Миа. — Она же не умеет...

— Не умеет, — согласился я. — Но умеет тот, кто накладывал империиус. И хорошо умеет. Так что саму себя она обливиэйтила просто ювелирно. Ничего лишнего не стерто... и ничего ненужного — не помнит.

— Это на нее каждый раз накладывали империиус? — заинтересовалась Дафна. — Тогда можно поискать...

— Нет, конечно, — покачал головой я. — Боюсь, теперь она до самых каникул будет проверять «папку, лежащую на задней парте в классе Астрономии», и если там обнаружится записка — переписывать ее, рвать, и стирать себе память об этом.